

ГЛАВА 9. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ. СТАЛИН: ЧТО ЭТО БЫЛО?...

Даже боги не в состоянии
былое сделать небылым.

Пословица античных времен

Через много десятилетий после ухода Сталина из жизни становится окончательно ясно, что его воздействие на российское и мировое развитие не ограничивается только второй половиной XX века, а простирается, со всеми плюсами и минусами, и на век двадцать первый. Пришло, по-видимому, время посмотреть, что представлял собой Сталин не только как личность, но и как феномен. А поскольку главной заслугой Сталина остается его руководство Советским Союзом во время немецко-фашистского нашествия в 1941—1945 годах, то целесообразно с этой темы и начать.

СТАЛИН И ВОЙНА

В моих дневниках за апрель 2006 года хранится запись с фонограммы беседы с Л.В. Шебаршиным. Разговор шел о войне. Леонид Владимирович всегда, и однозначно высоко, оценивал роль Сталина в нашей Победе над гитлеровской Германией. Более того, он считал, что если бы к моменту начала войны Сталин не создал те политическую систему и политический режим, какие СССР имел к 1941 году, мы бы не смогли победить гитлеровскую Германию. «Скажу больше, — произнес мой собеседник. — Вот говорят, что был Сталин злодей, который и холодную войну создал. Сталин, конечно, злодей, спору нет и оправданий ему нет. Но он после войны был вынужден работать на будущий кризис, на будущую войну. А иначе нас просто раздавили бы».

Как мне представляется, генерал Шебаршин дал в этих словах наиболее емкую и верную историческую характеристику Сталину: злодей, конечно, и методы построения советского общества он применял злодейские, но из песни слова не выкинуть, роль Сталина в достижении Победы надо признать. Иное дело, была ли эта роль решающей, — это вопрос дискуссионный. Но бесспорно,

что именно война позволила Сталину выйти на мировую арену как выдающемуся государственному деятелю международного масштаба. И этот личный контакт произвел на всех западных государственных лидеров и на общественное мнение народов западных стран впечатление неизгладимое.

Внимательно наблюдавший за манерой поведения Сталина в процессе контактов генералиссимуса с западными союзниками во время войны заместитель государственного секретаря США Чарльз Болен (1904—1974) (переводчик с русского Рузвельту и Трумэну на Тегеранской, Крымской и Берлинской конференциях) через 27 лет после этих событий написал о своих впечатлениях в Потсдаме так:

«Сталинская тактика в Потсдаме была точно такой же, какую он использовал и в Тегеране, и в Ялте. Внешне доброжелателен и приветлив, он никогда ни на минуту не отступал от своих позиций. Был очень искусным дискуссионщиком и не обращал никакого внимания на факты, если они противоречили (опровергали) его аргументы, другие же факты выворачивал так, как ему было нужно»¹.

Высокопоставленные англосаксы не раз отмечали, что в случае со Сталиным они имеют дело с личностью, которая по своему интеллекту намного превосходит все то, что они когда-либо видели ранее. В своих позднейших мемуарах они даже своих собственных руководителей по интеллектуальным способностям ставили ниже Сталина. Это обстоятельство настораживало их, нередко ставило в тупик, они не знали, как относиться к Сталину, как вести себя с ним, а в конечном итоге колебались и в том, как оценивать Сталина. Интуитивно они исходили из того, что оценивать его как личность — это одно, а как феномен мирового масштаба — совершенно другое. Отсюда мы часто наблюдаем большой разброс в их оценках Сталина, а часто и противоречивость.

Если сказать кратко, англосаксы не то чтобы не были в состоянии адекватно оценить личность Сталина (оценивали, еще как оценивали), нет, они бессознательно не хотели признавать за ним интеллектуальное превосходство, но делать это приходилось. Знаменитое высказывание Черчилля о том, что когда Сталин входил в комнату, то все непроизвольно вставали и начинали держать руки

¹ *Charles Bohlen. Svjedok povesti. 1929—1969. Globus. Zagreb. 1976. S. 214.*

по швам, отражало именно вот это бессознательное ощущение своей собственной личной психологической и интеллектуальной подчиненности обаянию этой чуждой им личности.

Пожалуй, лучше всего эту бессознательную противоречивость в оценке Сталина продемонстрировал в своих мемуарах такой в буквальном смысле ненавидевший Сталина, да и вообще Россию, человек, каким был Джордж Кеннан (1904—2005).

«Сталин, — пишет он в своих мемуарах, — был человеком невысокого роста, ни полным, ни худощавым (скорее уж второе). Великоватый китель, который носил Сталин, возможно, компенсировал недостаточную представительность его внешнего облика. Волевое лицо этого человека, несмотря на грубоватые черты, казалось даже привлекательным. Желтые глаза, усы, слегка топорщившиеся, оспинки на щеках придавали ему сходство со старым тигром, покрытым шрамами. Сталин был прост в обращении и выглядел спокойным и хладнокровным. Он не стремился к внешним эффектам, был немногословен, но слова его звучали веско и убедительно. Неподготовленный гость мог не догадаться, какая бездна расчетливости, властолюбия, жестокости и хитрости скрывалась за этим непритязательным внешним обликом.

Великое умение притворяться — часть его великого искусства управлять. В творческом смысле Сталин не был оригинален, зато он являлся превосходным учеником. Он был удивительно наблюдателен и (в той мере, в какой это соответствовало его целям) удивительно восприимчив. Дьявольское искусство тактика производило большое впечатление на собеседников. Пожалуй, наш век не знал более великого тактика, чем он. Его хорошо разыгранное хладнокровие и непритязательность были только ходом в его тактической игре, продуманной, как у настоящего шахматного гроссмейстера.

...К тому времени, когда я впервые лично увидел Сталина, я уже достаточно долго жил в России и знал о нем немало. Я не сомневался, что передо мной один из самых удивительных людей в мире, что он жесток, беспощаден, циничен, коварен, чрезвычайно опасен, и вместе с тем — один из подлинно великих людей своего века»¹.

¹ *Кеннан Джордж*. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2002. С. 181—182.

Что в этом пассаже главное, так это противоречивость в восприятии описываемого явления: один из великих людей XX века, но «всего лишь» искусный тактик. Тактик по сравнению с кем? Можно предположить, что с Рузвельтом? Но Рузвельта, как выясняется из его мемуаров, Кеннан оценивал очень невысоко. Всю его внешнюю политику в 1941—1945 годах Кеннан считал чередой сплошных стратегических ошибок.

Сплошное чтение объемных мемуаров этого американского дипломата и одного из наиболее известных советологов второй половины XX века, как и мемуаров других американских советологов, в особенности, например, Ч. Болена, позволяет прийти к выводу, что единственным асом стратегического мышления Д. Кеннан до самой своей смерти считал только себя. Но я пишу не о Кеннана, поэтому оставляю эту тему другим исследователям.

А вот какое впечатление произвел Сталин на, как отмечает Британская энциклопедия, «выдающегося британского полководца, участника двух мировых войн, победителя гитлеровцев при Эль-Аламейне, фельдмаршала Монтгомери (1887—1976)»¹. Столкнувшись со Сталиным в процессе переговоров о военном сотрудничестве и имея потом несколько лет для того, чтобы поразмышлять о своих восприятиях Сталина, Монтгомери уже после смерти Сталина написал: «...Сталин почти не делал ошибок... Он обладал поразительным стратегическим чутьем, и я не помню, чтобы он сделал хоть один ложный шаг в наших переговорах по стратегическим вопросам»².

Практически такой же оценки Сталина придерживался бывший министр иностранных дел и премьер-министр Великобритании в послевоенные годы Э. Иден (1897—1977), который в 1962 году писал в своих мемуарах:

«Сталин изначально произвел на меня впечатление своим дарованием и со временем мое мнение не изменилось. Его личность говорила сама за себя, а ее оценка не нуждалась в преувеличениях. Ему были присущи хорошие естественные манеры,

---

¹ Британская энциклопедия. Всемирная история. Пер. с англ. «Издательский Дом Ридерз Дайджест», London, 2007, с. 304.

² История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 10. М.: Воениздат, 1979, с. 132.

которые, по-видимому, объяснялись его грузинским происхождением. Я знаю, что он был безжалостен, но я всегда уважал его ум и относился к нему даже с симпатией, истоки которой так и не смог до конца себе объяснить. Вероятно, это следствие прагматизма Сталина. Быстро забывалось, что ты разговариваешь с партийным деятелем. ...Я всегда встречал в нем собеседника интересного, мрачноватого и строгого... До встречи с ним я не знал человека, который бы так владел собой на совещаниях. Сталин был всегда прекрасно осведомлен по всем касающимся его вопросам, всегда предусмотрителен и оперативен. ...За всем этим стояла большая сила»¹.

Посол США в Москве в годы войны Аверелл Гарриман (1891—1986): «Я нашел, что он лучше информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль, и в определенном смысле наиболее эффективный из военных лидеров».

Как ни удивительно, но отдавал Сталину должное и Гитлер. Казненный после Нюрнбергского процесса министр иностранных дел Германии Иоахим Риббентроп в своих предсмертных мемуарах, написанных в тюрьме в ожидании казни, вспоминал: «В тяжелые дни после окончания боев за Сталинград у меня состоялся весьма примечательный разговор с Адольфом Гитлером. Он говорил — в присущей ему манере — о Сталине с большим восхищением. Он сказал: на этом примере снова видно, какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941—1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердости этого человека, негибаемая воля и героизм которого и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — это именно тот мой крупный противник, которого (русский народ) имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении... Создание Красной Армии — грандиозное дело, а сам Сталин, без сомнения, — историческая личность совершенно огромного масштаба»².

¹ The Eden Memoirs. Facing the Dictators. London, 1962. P. 153.

² *Риббентроп Иоахим, фон.* Мемуары немецкого дипломата. Смоленск: Русич, 1998, с. 265.

Но главную оценку Сталину выносит, конечно же, не зарубеж, а наш народ. Предлагаю рассмотреть эту оценку в наиболее близком народу ракурсе.

КОМУ СТАВИТЬ ПАМЯТНИК В ЧЕСТЬ ПОБЕДЫ НАД ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ?

Сегодня, спустя много десятков лет после того, как в мае 1945 года войска Красной Армии вошли в Берлин и взяли штурмом рейхстаг, война кажется событием очень далеким, а победа в ней для ныне живущих поколений — почти виртуальной. Более того, нынешнему поколению россиян иногда кажется, что иначе и быть не могло, что мы просто не могли не победить гитлеровскую Германию.

Однако весь драматизм тех далеких лет в том и состоял, что СССР не только мог, но должен был ту войну проиграть, а русская нация и другие объединившиеся вокруг нее народы — исчезнуть.

Насколько остро стояли тогда все эти вопросы, видно из того, что летом 1942 года, когда немцы, по оценке Сталина, вот-вот должны были взять Сталинград, перерезать Волгу и рассечь напополам всю европейскую часть России (это его видение нашло отражение в его приказах по армии в то время), Сталин всерьез допустил реальную возможность того, что немцы «продвинутся за Урал». Ссылаясь на разговор с Черчиллем, он в тот полный драматизма момент сказал Молотову, что английский премьер рассматривает возможность перевода английского правительства в Канаду. А нам, сказал Сталин, видимо, придется переводить русское правительство в изгнании в Индию. В связи с этим, добавил он, нужно укрепить созданные нами в прошлом году, когда немцы подошли к Москве, подпольные обкомы и продолжить подготовку к всеобщей партизанской войне. Об этом факте рассказал личный переводчик Сталина Бережков в своих мемуарах¹.

Тогда, в 1941—1945 годах, всем в мире было ясно, что основную тяжесть войны вынесла на своих плечах Россия, которая за четыре года сражений перемолола на своих фронтах 80 % живой силы

---

¹ *Бережков В.М.* Рядом со Сталиным. М.: Вагриус, 1999, с. 351—352.